

ТВОРЧЕСТВО ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ В РАЗМЫШЛЕНИЯХ ДМИТРИЯ ЧИЖЕВСКОГО: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О. В. МАРЧЕНКО

В статье рассматривается ряд установок, сложившихся в изучении жизни и творчества выдающегося украинского слависта Д. И. Чижевского (1894–1977). Специально анализируются российский и украинский контексты в рамках которых складывалось изучение Чижевским творчества известного философа XVIII века Г. С. Сковороды. На этом фоне намечается собственная специальная задача Чижевского — прочитав Сковороду, во-первых, в контексте украинской культуры, как представителя позднего украинского барокко и украинского предромантика, а во-вторых, рассмотреть его взгляды в контексте культуры общеевропейской.

Период изучения жизни и творчества выдающегося украинского слависта Д. И. Чижевского (1894–1977)¹, казалось бы, совсем недолог, а уже сложился, к сожалению, ряд ложных установок, предвзятых суждений, преждевременных выводов. А ведь мы находимся сейчас все еще в том начальном пункте исследовательского процесса, когда надо быть крайне осторожным в вынесении категорических суждений². Даже в первом приближении очень много неясного, запутанного, двусмысленного, непроященного.

¹Текст статьи написан при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00337а.

²Один из первых серьезных шагов к научному освоению наследия Чижевского — подготовка и издание книги: *Чижевский Д. И. Материалы к биографии: (1894–1977) // Избранное: В 3 т. / В. Янцен, сост., вступ. ст., комм. М., 2007. Т. 1.* Этот восьмисотсорокавосемистраничный большого формата том содержит автобиографические и биографические материалы, избранные письма ученого, воспоминания о нем, рецензии и отзывы на его работы. Особые разделы посвящены темам лекций и семинаров Чижевского на протяжении всей его жизни, а также библиографии. Кроме того, мы отметили бы только что вышедшую очень хорошо продуманную и выстроенную книжечку: *Янцен В. В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов.* СПб., 2008. На основе изучения большого корпуса архивных материалов (лишь часть из них вошла в большой том 2007 года) исследователь из Германии описывает не напечатанные в силу разных причин или незаконченные труды Чижевского, пытаясь реконструировать серию его замыслов и раскрыть взаимосвязанность и внутреннее единство творчества ученого.

«Поначалу я не представляла, с какой мыслительной глыбой придется столкнуться. И хорошо, что мне вовремя подоспела помощь — Гуссерль. Ему я и доверила определить предстоящий максимум. ...В очередной раз доверившись Чижевскому и в послушной готовности последовав за ним... Читать его вообще пронзительное упоение духа. ...Мне приходится чисто суммарно излагать то, что у Чижевского исследовано проблемно, многосторонне. ...Историографические оценки Чижевского безукоризненны... Мне же вообще бесконечно дорог текст Чижевского, и да простит меня мой читатель за обильное цитирование, — порой мне трудно от него оторваться...»³ Представляется, что с подобной установкой довольно сложно выработать продуктивную исследовательскую программу. Метод Чижевского, — совершенно серьезно утверждает еще один автор, — «дает ему возможность полностью раскрывать предмет своего исследования и через внутреннее единство показать все его разнообразные выявления и связи (возможно, именно этим Чижевский и отличается от многих исследователей, которые, беря одну сторону или черту предмета своего исследования, гиперболизируют ее роль, игнорируя при этом все другие)»⁴. Такого рода фантастическая отправная точка не может привести к более или менее правдоподобным результатам — и, в самом деле, к ним не приводит⁵.

Следующий пример непосредственно подводит нас к заявленной в заглавии теме. В вышедшей в 1994 г. в Канаде англоязычной антологии статей о Григории Сковороде, в которой присутствуют интересные работы Ст. П. Шерера, Г. Ю. Шевелева, М. Я. Вайскопфа, А. В. Лаврова, Д. Л. Клайна и др., имеется издательское посвящение Чижевскому, где, в частности, сказано, что он — пионер изучения Сковороды (a pioneer in the study of Skovoroda)⁶.

Это абсолютно невозможное утверждение⁷. Начнем с того, что еще в 1894 г. (год рождения Чижевского) в Харькове было выпущено первое научное собрание текстов украинского поэта и философа: «Сочинения Григория Саввича

³ *Надъярных Н. С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005. С. 3, 37, 57, 63, 64, 160. Указанная книга — первое в России монографическое исследование о Чижевском.

⁴ *Валявко І.* Філософія Григорія Сковороди в осмисленні Дмитра Чижевського. К., 1996. С. 7.

⁵ Стоит, пожалуй, напомнить, что магическая способность полностью раскрывать сущность предмета и показывать все его разнообразные выявления и связи приписывалась не так давно только автору, именуемому Маркс / Энгельс / Ленин / Сталин.

⁶ *Hryhoryj Savyč Skovoroda. An Antology of Critical Articles / R. H. Marshal, Jr. E. Bird, T. E. Bird, eds.* Edmonton; Toronto, 1994. (С. V, без пагинации). Это ценная Антология, которая воспроизводит большей частью ранее опубликованные в разных странах и изданиях материалы; отметим, однако, некоторую странность в ее подготовке. Как с удивлением выяснил автор этих строк на V Чтениях Международного общества историков русской философии им. В. В. Зеньковского (международная конференция «Книгоиздательство “Мусагет”»: история, мифы, результаты», 14–17 мая 2008, Москва), не все авторы перепечатанных в Канаде статей их туда предоставляли и даже знали об издании этой Антологии.

⁷ Подобным образом П. Феденко ранее пишет, что Чижевский отбросил взгляд на творчество Гоголя как «реалистическое» и, в противовес мнению Чернышевского, Белинского, Скабичевского, утверждал, что у Гоголя много фантастики и мистики. Как будто и не было ценных самим Чижевским работ Д. С. Мережковского, И. Ф. Анненского, А. Белого, В. В. Зеньковского, В. В. Гиппиуса и др.! См.: *Феденко П.* Нестор славистики // Чижевский. Цит. соч. С. 469.

Сковороды, собранные и отредактированные профессором Д. И. Багалеем. Юбилейное издание (1794–1894 г.)». Толстый том сочинений и писем, без которого никакое последующее исследование творчества Сковороды было бы немислимо, был подготовлен в рамках специального проекта Харьковского историко-филологического общества. В составе тома: «Наркисс», «Диалог, или Разглагол о древнем мире», «Беседа нареченная двое, о том, что блаженным быть легко», «Разговор дружеский о душевном мире», «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира», «Басни Харьковские», «Начальная дверь ко христианскому добронравию», «Брань архистратига Михаила со Сатаною», «Благодарный Еродий», «Убогий Жайворонок», стихотворения, восемь десятков писем. Кроме того, в издании присутствует «Житие Григория Сковороды» М. И. Ковалинского (первоначально ее издал с необходимым предисловием Н. Ф. Сумцов в 1886 г. в «Киевской старине»). Том сопровождается статьей Д. И. Багалея объемом в 131 страницу!

К началу занятий Чижевским творчеством Сковороды имелись работы — если говорить только о самых заметных — Д. И. Багалея, Ф. А. Зеленогорского, А. С. Лебедева, М. Краснюка, Н. И. Петрова, В. Н. Перетца, В. П. Леонтовского, В. Ф. Эрна, В. В. Бонч-Бруевича⁸, А. Товкачевского, Н. С. Возняка, А. П. Ковалевского, Н. Ф. Сумцова, М. И. Гордиевского, С. С. Дложевского, В. В. Зеньковского и др.⁹ Уже многое было — контекст, в котором начинаются самостоятельные размышления Чижевского о Сковороде, очень насыщен и сложен. Мы попробуем прояснить лишь некоторые составляющие этого контекста.

Особое место в исследовании Сковороды занимает серия работ замечательного русского философа Эрна (1882–1917), венчающаяся его знаменитой книгой «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение» (М., 1912)¹⁰. Чижевскому придется постоянно соотносить свою интерпретацию с интерпретацией Эрна, и тому имелись весомые причины.

Эрн — видный представитель религиозно-философской группы «Путь», которая включала наиболее яркую, творческую и продуктивную часть русских мыслителей начала XX века. «Путейцами» (или близкими «Пути») были С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Г. А. Рачинский, Е. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатин, одноклассники и друзья Эрна П. А. Флоренский и А. В. Ельчанинов, близкий друг Эрна Вячеслав Иванов, С. А. Аскольдов, В. В. Зеньковский (преподаватель Чижевс-

⁸ См. : Собрание сочинений Г. С. Сковороды. С биографией Г. С. Сковороды М. И. Ковалинского, с заметками и примечаниями В. Бонч-Бруевича. СПб., 1912. Все последующие исследователи, в том числе и Чижевский, пользовались изданиями Багалея и Бонч-Бруевича (разумеется, до выхода уже в советское время собрания сочинений Сковороды, см., например, киевский академический двухтомник 1961 г.).

⁹ См. : Два століття сквородіяни: бібліографічний довідник / Л. Ушкалов, С. Вакуленко, А. Євтушенко, укл. Харків, 2002.

¹⁰ Ранее вышедшие работы Эрна : Эрн. В. Ф. Русский Сократ // Северное сияние. 1908. № 1. С. 59–69; Он же. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 107. № 2. С. 126–166; Он же. Очерк теоретической философии Г. С. Сковороды // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 110. № 5. С. 531–680. Фигура Сковороды присутствует и в других историко-философских и собственно философских работах Эрна.

кого в Киевском университете), М. О. Гершензон, С. Н. Дурьлин, А. С. Глинка-Волжский, В. А. Кожевников, в известной мере и Н. О. Лосский...¹¹

Книга Эрн вышла в путевой серии «Русские мыслители», задачей которой было актуализировать в новой культурной ситуации интеллектуальное и духовное наследие прошлого. Планировались книги Вяч. Иванова о Ф. И. Тютчеве, Флоренского об отце Серапионе Машкине, Зеньковского о Н. В. Гоголе, Глинки-Волжского о Ф. М. Достоевском, Дурьлина о Н. С. Лескове, Ельчанинова о М. М. Сперанском, Бердяева о Н. Ф. Федорове, его же о А. С. Хомякове, Аскольдова о А. А. Козлове, Эрн о Сковороде. Вышли до революции лишь три последние, среди них книга Эрн, без сомнения, лучшая¹².

Эрн прочитывает жизнь и творчество Сковороды в рамках своей концепции оригинальной русской философии. В данном случае он воспроизводит, усиливает, концептуализирует уже столетнюю русскую традицию понимания Сковороды как первого национального философа, предтечу оригинального русского философствования. Эта традиция складывается в первые десятилетия XIX в., по-видимому, в масонской среде. Именно в масонских архивах (не только, конечно!) хранились списки сочинений Сковороды, и даже «лишние», не принадлежащие ему, подражательные (напомню, при жизни философа ни одно из его сочинений не было опубликовано, и он не предпринимал ни малейших к тому попыток). В масонских изданиях осуществляются первые публикации сквородиновских сочинений, в этих кругах читается «Жизнь Сковороды» М. И. Ковалинского. К примеру, в 1829 г. Ю. Н. Бартенев, член Санкт-Петербургской масонской ложи «Умиравший Сфинкс», знакомец кн. А. Н. Голицына, Р. А. Кошелева, А. Ф. Лабзина, пишет в письме императору Николаю I о жизнеописании «известного Сковороды, который был украшением века августейшей твоей бабки и венценосного родителя твоего, который в мудрой Екатерине видел Северную Минерву, и которую сей единственно-национальный философ Русский научал любить и благоговеть пред гениальностию мудрой монархини»¹³. (Кстати, через сто лет, в 1929 г. в Париже из масонских, похоже, кругов появится книга Петра Бобринского о Сковороде¹⁴.) Мысль о Григории Сковороде как первом русском философе подхватил выпускник харьковского университета А. Т. Хиждеу в целой серии статей и публикаций, в том числе и в работе 1842 г. «Задача нашего времени. Учение Григория Саввича Сковороды, единственного русского философа, представленное в экзегетико-систематическом обозрении». Идею поддерживает А. А. Краевский, говоря о Сковороде как о первом ростке русской народной

¹¹ См. : *Голлербах Е. Я.* «К незримому граду» : Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

¹² О методологии Эрн см. : *Марченко О. В.* Владимир Эрн о методе историко-философского исследования // Миргород : Siedlce, 2008. Т. 1. С. 79–92.

¹³ См. : Русский архив. 1897. Т. 3. Вып. 11. С. 418.

¹⁴ Чижевский будет ее рецензировать, с похвалой отзываясь о замысле и самом выполнении этой популяризаторской брошюры, сетуя, однако, на невнимание автора к его, Чижевского, современным разработкам. «Пожелаем успеха брошюре гр. Бобринского, но пожалеем, что она возвращает нас на 20 лет назад, к прекрасной, но уже устаревшей книге Эрн» (*Чижевский Д.* Рецензия на книгу : Бобринский Г. П. Старчик Григорий Сковорода. Жизнь и учение. Париж, 1929 // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 531).

философии и противопоставляя принципы его философии «отвлеченному западному рационализму». В актуальных спорах о «народности» и путях развития России имя Сковороды обретает разнообразное звучание под пером Н. И. Надеждина, Ф. С. Надеждина, арх. Гавриила (Воскресенского) — автора первого очерка истории русской философии (1840), Ф. А. Зеленогорского, А. С. Суворина. Славянофилы И. С. и К. С. Аксаковы, Н. П. Гиляров-Платонов собирают материалы для биографии Сковороды и рукописи его сочинений. Проявляют интерес к украинскому мыслителю и в духовно-академической среде: В. Н. Карпов, Ф. А. Голубинский, С. К. Смирнов, еп. Иннокентий (Борисов). Присутствие фигуры «народного философа» в идеологическом арсенале мыслителей и деятелей, близких как официальной идеологии, так и славянофильским настроениям, вызывает резко отрицательное отношение к украинскому мыслителю со стороны русских революционных демократов (что не сопровождалось, разумеется, изучением его творчества). С завидным постоянством В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский уничижительно отзывались о «малороссийском философе Сковороде». Таким образом, фигура Сковороды воспринимается и интенсивно интерпретируется в контексте *русских* споров о народности, национальной философии, путях развития русской культуры. А поскольку русские споры, по крайней мере на данном этапе, были масштабнее украинских (в силу многих причин), то и фигура Сковороды получалась соответственно более масштабной. Личность Сковороды постепенно становилась образом, символом, к которому притягивались, вокруг которого кристаллизовались и причудливо выстраивались разнообразные идеологические проекты. Усложнение такого рода проектов, концепций и самоописаний будет в дальнейшем связано с «сократическим» творчеством Достоевского¹⁵, а фигура праведника Сковороды станет многими русскими интеллектуалами XX в. прочитываться в связи с пророческими фигурами Достоевского и Соловьева. Не случайно В. С. Соловьев в подмосковном имении Дедово читал друзьям «Краткую повесть об Антихристе», сидя под портретом своего предка — Сковороды.

Поэтому фигура «первого русского философа Сковороды» является важнейшим элементом в замечательной концепции оригинальной русской философии Эрн¹⁶. И хотя тема решается в рамках философского (а не чисто научного) проекта, русскому философу удалось создать чрезвычайно интересный, тонкий, живой, а главное, цельный образ украинского мыслителя, а также дать блестящую и глубокую интерпретацию его философских идей (чего *до* него сделано не было). Подчеркну: Эрну удалось впервые показать значимость Сковороды как философа¹⁷. Чижевский, вынужденный впоследствии считаться с его точкой зрения, указывал, что рассмотрение философской проблематики у Сковороды мы находим только у Эрн, хотя тот и не выходит за границы постановки вопросов.

¹⁵ См. : Марченко О. В. Сократическая тема у Достоевского // Историко-философский ежегодник. М., 2003. С. 144–155.

¹⁶ Об Эрне см. : Он же. Очерки по истории философии. М., 2002. С. 158–230; Он же. Владимир Эрн и его концепция русской философии // В. Ф. Эрн: pro et contra. СПб., 2006. С. 824–855.

¹⁷ Он же. Владимир Эрн и его книга о Григории Сковороде // Волшебная Гора. М., 1998. Т. 7. С. 10–25 (предисловие к переизданию книги Эрн 1912 г.).

Чижевского лукавил: на самом деле Эрн и ставил вопросы, и решал их, — конечно, в каждом отдельном случае с разной степенью убедительности. Эрн как философ был довольно решителен (а порою слишком прямолинеен); что-то, а половинчатость и недосказанность ему были совершенно несвойственны.

Так или иначе, решая тему, Эрн (как, впрочем, и его коллеги, приятели и оппоненты Г. Г. Шпет и С. Л. Франк, фигуры которых были важны для Чижевского) принципиально изымает Сквороду из родного украинского культурного контекста. «... Узурпация выдающихся мужей украинских ... становится фактом свершившимся, — писал хороший знакомец Чижевского поэт Е. Ф. Маланюк, переведший одну из статей Эрна на украинский язык. — ...В результате украинский философ Скворода становится ныне попросту “отцом русской философии”, “первым русским философом”»¹⁸.

Проблематичность такого подхода к исследованию жизни и учения Сквороды выявилась очень рано: уже в 1911 г., после появления статьи Эрна «Жизнь и личность Григория Саввича Сквороды» его друг и соратник С. Н. Булгаков писал ему 30 сентября того же года во Флоренцию (Эрн занимался там изучением итальянской философии XIX в.): «Между прочим, Б. Кистяковский, как “украинец”, отмечает отсутствие в Вашей статье о Сквороде украинского колорита». «Колоритом», конечно же, дело не ограничивалось. Бесцеремонное изъятие личности и творчества Сквороды из контекста украинской культуры (в котором только и возможно адекватное понимание) и встраивание мыслителя в сконструированную Эрном традицию развития *оригинальной русской философии* — так можно в краткой форме передать суть инвектив в адрес русского философа, сделанных рецензентами-украинцами: Н. Федюшкой (Евшан), Н. Сриблянским (Шаповал), Вяч. М. Заикиным, Е. Ф. Маланюком и др. Одним из таких крити-

¹⁸ Маланюк Е. Передмова // Ерн В. Життя і особа Григорія Сквороди. 1923. С. 3, 4. По сути это верно; нужно, однако, помнить, что ситуация в целом выглядит сложнее. Русская культура является культурой имперской, и реальность империи создавала самые неожиданные, по-барочному «концептивные», биографически-смысловые «претексты». Несколько примеров. Предок Чижевского П. Л. Чижевский (тенор) пел во времена императрицы Елизаветы в Придворной Капелле вместе с «алцыстой» Григорием Сквородой. Похоже, что предок П. А. Флоренского, Кирилл Флоринский, дружил со Сквородой и Разумовским (не забудем украинские корни Флоренских-Флоринских-Флоренсовых). Предок А. В. Ельчанинова, Б. Е. Ельчанинов, учился в Киевской академии, в семье могли сохраняться предания, связанные со Сквородой. В семье Соловьевых (украинской по материнской линии) имелось убеждение, что Скворода — далекий (непрямой) предок. Брат философа Михаил был женат на Ольге Коваленской, прямом потомке М. И. Ковалинского, любимого друга и ученика Сквороды (что любил подчеркивать, в том числе и в поэтической форме — см. например, стихотворение «Мои предки» — сын Михаила и Ольги, поэт-символист С. М. Соловьев, друг Андрея Белого и троюродный брат А. А. Блока). Кутаисец Г. Н. Гехтман в 1895 г. закончил с серебряной медалью историко-филологический факультет Харьковского университета (учился у Багалея, Сумцова, Лебедева, Зеленогорского, наверняка участвовал в подготовке и праздновании Сквородинового юбилея 1894 г.); вернувшись в Грузию, преподавал историю во 2-й Тифлисской мужской гимназии, где руководил историко-философским кружком, в который входили юные Флоренский, Эрн, Ельчанинов (автор этих строк говорил об этом в двух докладах «Павел Флоренский и Григорий Скворода», на конференциях, посвященных недавнему юбилею Флоренского, в Троице-Сергиевой Лавре и Москве в 2007 г.).

ков выступил профессор харьковского университета Н. Ф. Сумцов (1854—1922), прекрасный знаток старой украинской литературы, особенно таких авторов как Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский, Иннокентий Гизель и др. Мы говорим о его статье 1918 г. «Сковорода и Эрн»¹⁹. Сумцов не был первым в этой критике, но в отличие от многих, он выступил не только с принципиальностью «украинофила», но и с основательностью и отчетливостью превосходного знатока культурно-исторического материала. Сумцов попытался вписать Сковороду, во-первых, в традицию украинского барокко, и, во-вторых, в украинскую фольклорную традицию.

Многоаспектность «битвы за тело героя» определялась целым рядом обстоятельств. Эрну ко времени штудирования сочинений Сковороды нет и тридцати, он человек и мыслитель утонченной символистской культуры (в частности, именно это позволило ему выявить и показать несомненные тонкости сквородиновских произведений, — справедливо замечает один из крупнейших украинистов эмиграции)²⁰. Сумцову к этому времени под шестьдесят, он сформировался совсем в другую эпоху, он ученый вполне позитивистской ориентации, эмпирик, исследующий этнос, его быт и художественное творчество, к началу XX в. становящийся, как отмечают исследователи, сторонником идеи эволюционизма. Отсюда его раздраженное иронизирование над всей этой запутанной и мутной религиозной мистикой российских интеллектуалов начала XX в. Даже в манере письма проглядывает различие. Эрн не только яркий и интересный философ, он еще и недурной писатель. Стиль его, временами погрешая чрезмерной акцентацией, иногда излишне форсированный, оставляет тем не менее весьма яркое впечатление изобретательно найденным оборотом, смелой и свежей характеристикой, запоминающимся афоризмом. Письмо же Сумцова большею частью наукообразно-нейтральное, порою неряшливое.

Важно, что Сумцов исследует творчество Сковороды именно как эрудированный *филолог и этнограф*; однако, вписывая украинского мыслителя в контекст народной культуры, достаточно ли адекватно представлял он иные, универсальные, измерения его философского творчества? Со своей стороны Эрн, имея самые приблизительные представления об украинской культурной традиции, дает прежде всего *философский* анализ построений Сковороды, прочитывая его творчество в «большом времени», что определяет масштабность его вопросов и выводов — и в конечном счете заставляет едва ли не впервые посмотреть на Сковороду именно как на философа.

¹⁹ Сумцов М. Сковорода і Ерн // Літературно-науковий вісник. 1918. Т. 69. Кн. 1. С. 41—49. (См. наш комментированный перевод этой работы на русский язык, по расширенному изданию : Сумцов Н. Ф. Сковорода и Эрн // В. Ф. Эрн : pro et contra... С. 675—684, 953—956. То же с расширенным комментарием см. : Марченко О. В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX—XX вв. Исследования и материалы. М., 2007. Ч. 1. С. 217—240). Далее вышла работа : Сумцов М. Ф. Історія української філософської думки // Бюлетень Музею Слобідської України ім. Г. С. Сковороди. Харків, 1926—1927. № 2—3. С. 51—74. Рецензию Чижевского на эту публикацию см. : Abhandlungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institutes in Berlin. В.; Leipzig, 1929. Bd. 2. S. 189—190.

²⁰ Shevelov George Y. Prolegomena to Studies of Skovoroda's Language and Style // Hryhorij Savuč Skovoroda: An Antology of Critical Articles... P. 122.

И самое главное: если Эрн своими построениями представляет русское имперское сознание, то Сумцов — этноцентричное украинское, сопротивляющееся прямой и опосредованной «русификации»; поэтому в элементарном незнании и невнимании Эрна к собственному украинскому материалу Сумцов видит некую сознательную русифицирующую стратегию, а отношение Эрна к украинскому народу прочитывается как «презрение» (чувство, лично Эрну совершенно не свойственное — и не только в подобной ситуации).

Что касается интерпретации самого философского учения Сковороды, надо признать, что здесь Сумцов далеко не продвинулся, да и не мог продвинуться. В «Истории украинской философской мысли» Сумцов осуществляет следующие не особенно продуктивные сопоставления: «Сковорода и Вовенарг»²¹, «Сковорода и Амиель»²², «Философские параллели к Сковороде» (в их числе — Герцен, французский философ и историк Ж. Э. Ренан (1823–1892), Л. Н. Толстой), «Герасим Смотрицкий и Сковорода о вечности мира»²³, «Св. Дмитрий Ростовский и Сковорода как проводники разума», «Сковорода и Библия», «Преобладание у Сковороды разума. “Скука-тоска”». В целом это все не впечатляет. Ученый вполне позитивистской ориентации, Сумцов вряд ли мог увидеть нечто значимое у Сковороды-философа, поскольку это значимое у Сковороды во многом связано с религиозным опытом, Библией, мистической составляющей.

Так постепенно вырисовывается собственная специальная задача, решаемая Чижевским на протяжении многих лет — прочитать Сковороду, во-первых, в контексте украинской культуры, как представителя позднего украинского барокко и украинского предромантика, а во-вторых, рассмотреть его взгляды в контексте культуры общеевропейской. Задачи эти решаются им по крайней мере в пяти десятках работ²⁴. Первая — в таких исследованиях, как «Філософія на Україні: спроба історіографії питання» (Прага, 1926), «Нариси з історії філософії на Україні» (Прага, 1931), «Філософія Г. С. Сковороди» (Варшава, 1934), «Український літературний барок. Нариси» (Прага, 1944. Ч. 3) и др. К примеру, в своей варшавской книге о Сковороде 1934 г., в специальной ее главе «Сковорода і Україна», Чижевский поддерживает точку зрения Сумцова, по сути воспроизводя его аргументацию, обогащая ее результатами собственных наблюдений и исследований. Задача же рассмотрения взглядов Сковороды в контексте общеевропейской культуры решается в таких работах, как «Г. С. Сковорода и немецкая мистика» (1929)²⁵, той же варшавской книге 1934 г., «Skovoroda: Dichter, Denken, Mystiker» (München, 1974) и др. «Это духовное течение Запада, близость

²¹ Люк де Клапье маркиз де Вовенарг (1715–1747) — французский моралист.

²² Анри Амиель (1821–1881) — профессор философии и эстетики Женевской академии, философский дневник которого привлек внимание еще Толстого.

²³ Герасим Смотрицкий — украинский писатель-полемист, поэт, педагог XVI в., глава острожского научно-литературного кружка, в который входил и Иван Федоров; Смотрицкий редактировал острожские Азбуку 1578 г. и Библию 1581 г.; Сумцов рассматривает его книгу «Ключ Царства небесного» 1587 г.

²⁴ См. содержательную статью: *Ушкалов Л.* Сковородяна Дмитра Чижевського // Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003. С. 7–30.

²⁵ Работа недавно переиздана в книге: *Надьярных.* Цит. соч. С. 277–294.

к которому Сковороды мы будем констатировать в основных пунктах его мировоззрения, есть т. н. “немецкая мистика”²⁶.

Таковы необходимые, на наш взгляд, пролегомены к пониманию интерпретации Чижевским философии Г. С. Сковороды. Что же касается роли мирозерцания этого мыслителя при интерпретации Чижевским ряда философских и историко-культурных проблем, — то эту тему мы оставим для следующих публикаций.

Ключевые слова: Чижевский, Сковорода, Эрн, Сумцов, оригинальная русская философия, русская религиозная философия, украинская философия, позднее украинское барокко, предромантизм, русский религиозный ренессанс, религиозно-философская группа «Путь».

WORKS OF GR. SKOVORODA IN THE THOUGHT OF DM. CHIZHEVSKY: SEVERAL REFLECTIONS

O. MARCHENKO

(Russian State University for Humanities)

In the article a number of positions, formed in research of life and work of outstanding Ukrainian Slavist D. I. Chizhevsky (1894–1977) is under discussion. Russian and Ukrainian contexts in which frames Chizhevskys’ studying of works of famous philosopher of 18 century Gr. S. Skovoroda emerged is specially analyzed. On this background the author outlines a special task of Chizhevsky himself — to understand Skovoroda, at first, in the context of Ukrainian culture, as a represent of later Ukrainian baroque and Ukrainian pre-romanticism, and secondly, to examine his ideas in the context of European culture.

Keywords: Chizhevsky, Skovoroda, Ern, Sumtsov, genuine Russian philosophy, Russian religious philosophy, Ukrainian philosophy, late Ukrainian baroc, pre-romanticism, Russian religious Renaissance, religious-philosophical group «Put’» («The Way»).

²⁶ *Чижевський Д.* Філософія Г. С. Сковороди... С. 32. Тему мистики в творчестве Чижевского нужно рассматривать отдельно, она трудно дается пишущим об украинском слависте. Так, в указанной книге Н. С. Надъярных Ареопагитики становятся Аэропагитиками (с. 9); далее говорится о Экхарте и Екегарде; кажется, для автора это два разных человека, оба мистики (по крайней мере, в указателе имен присутствуют оба, на с. 359 и 365 соответственно). Для И. В. Валявко Себастьян Франк — это два разных человека, Себастьян и Франк, оба тоже мистики (см. : *Валявко І.* Філософія Григорія Сковороди в осмисленні Дмитра Чижевського. К., 1996. С. 8; то же см. : *Он же.* Дмитро Чижевський як дослідник української філософської думки : Автореферат диссертации (канд. філос. наук). К., 1997. С. 15).